Полёт длиною в жизнь

Автор:
Алекс Грей

Полёт длиною в жизнь

Алекс Грей

Обычная встреча с журналистом в самолёте над Парижем возвращает Антона, известно и почитаемого скрипача-виртуоза в годы юности, когда он был ещё далёк от музыки, но считался одним из лучших хоккеистов города. Знакомство с девочкой Ингой, переехавшей в их город из Прибалтики, в корне меняет его жизнь. Он забрасывает хоккей и увлекается музыкой, достигая, высоких музыкальных результатов. Инга же, в то время уже была неоднократным победителем конкурсов молодых пианистов, но по странному стечению обстоятельств, забросила музыку и исчезла. Через много лет они встретились в подземном переходе: он – известный скрипач, и она – уличный музыкант, зарабатывающий себе на жизнь выступлениями в переходах…

Алекс Грей

Полёт длиною в жизнь

1

Наверное, я никогда не привыкну летать на самолётах. И, вроде бы не боюсь летать, но ощущение во время полёта такое, что меня не просто оторвали от земли, а разорвали нить, связывающую меня и землю. Я перестаю получать подпитку энергии от земли под ногами. Это, наверное, от того, что я не люблю того, что не могу контролировать. Хотя, сам процесс полётов на самолётах на

высоте десять тысяч метров – это довольно прикольная вещь. Особенно взлёт, когда буквально за несколько секунд город становится маленьким, словно игрушечным, дороги превращаются в тоненькие полоски, разделяющие плоскость на разноцветные квадраты. Но больше всего меня покорил вид Эйфелевой башни с высоты полёта. На связке ключей у меня висит небольшой брелок-макет Эйфелевой башни. И вот, когда мы пролетали над Парижем, я увидел эту башню. Тогда я увидел её впервые, она была маленькая, словно игрушечная. Я достал из кармана ключи с брелоком и сравнил их. Они мало чем отличались, даже по размеру они были похожи. И вот первое впечатление от Эйфелевой башни так и закрепилось в моей памяти. Теперь она для меня маленькая, окружённая яркой зеленью и игрушечными домами. Позже, я много раз бывал возле неё, поднимался на самый верх, но всё равно воспринимаю её такой, какой увидел её тогда из иллюминатора самолёта.

В этот раз самолёт набрал высоту, сделал разворот над Парижем и мы быстро погрузились в густые облака. Эйфелева башня лишь на несколько минут мелькнула вдалеке и скрылась под толстым слоем серых осенних французских туч.

Мои друзья говорят, что самый приятный момент в полётах – это когда бортпроводницы разносят еду и выпивку. А меня это бесит, потому что я люблю спать в самолётах или просто читать. А когда я сплю, читаю или смотрю фильмы, то шастающие туда-сюда стюардессы меня просто раздражают.

– Прошу прощения, что пожелаете? – Я только закрыл глаза, и это были самые худшие слова, которые я мог только услышать, сидя в этом кресле. Я решил притвориться спящим и не реагировать.

– Вы что будете пить? Виски, Бурбон или Шампанское? – Это был уже другой голос, мужской, и принадлежал он явно не бортпроводнице, и я открыл глаза. Надо мной практически нависало 180 сантиметров идеальной французской женской фигуры, обтянутой вишнёвого цвета униформой, с идеально белыми зубами в ореоле ядовито красных губ, и всё это завершалось платинового цвета волосами, собранными в обычный детский хвост.

– Это Вы меня спрашивали сейчас? – Выдавил из себя я, пытаясь совместить вид этой стюардессы с только что прозвучавшим голосом.

Красные губы вытянулись в ещё более широкой улыбке, обнажая ещё больше неестественно-фарфорового цвета зубы.

– Нет, это уже я Вас спрашивал, просто мне показалось, что Вы сильно нервничали при взлёте, и сейчас Вам очень не помешало бы выпить чего-нибудь. – Я так был увлечён взлётом над Парижем, что даже не заметил своего соседа по креслу. Слева от меня сидел обычный мужчина моих лет, в руках он держал уже почти пустой стакан с жёлтого цвета жидкостью. – А ещё я подумал, что Вы не говорите по-французски и я Вам решил помочь с переводом. – Сказал он, улыбаясь.

– Ну, хорошо, – обратился я уже к бортпроводнице на французском, что, похоже, расстроило моего соседа, – А у Вас есть шампанское, но только «брют»?

– Нет, у нас только полусладкое. Но оно очень хорошее, настоящее французское. – Ответила бортпроводница.

– А вот у меня есть как-раз «брют», – обрадовался мой сосед и, покопавшись в своём кейсе, добыл оттуда бутылку «Dom Perignon».

– Как Вы её пронесли на борт? – удивилась стюардесса и насупила брови, что сделало её смешной.

– А я всегда проношу на борт шампанское и пью его, возвращаясь из Парижа, потому что Париж без шампанского – не Париж. Будете с нами?

– Вы что? Я же на работе. И по правилам, я должна запретить Вам распивать спиртные напитки во время полёта.

– А если без правил? – Улыбнулся сосед и прошептал. – А если без правил, то Вы просто настолько очаровательны, что Вам совсем не идёт быть строгой и злой. Вы, лучше, принесите нам бокалы.

– Хорошо, – Так на неё подействовал комплимент, что она опять улыбнулась, обнажив все свои зубы, потом наклонилась к нам и прошептала, – только чтобы никто не видел. Тем более, что сегодня есть повод…

– Какой ещё повод? – спросил я.

– Ну, есть повод, какая разница, пейте, но я вам не разрешала, если что.

– Конечно, никто ничего и не заподозрит.

Он разлил в принесённые бокалы шампанское, сунул один мне в руку и сказал:

– А вы не знаете, про какой повод она говорила? Нет, ну тогда за Париж. И за Вас!

– За меня? А чего это за меня? – Удивился я. – Мы же даже не знакомы.

– Так давайте знакомиться, хотя… – Он сделал глоток и прикрыл глаза.

– Что хотя?

– Хотя, мы уже знакомы. Немного. Ну, точнее, я то с Вами хорошо знаком, Вы же Антон, да? А вот Вы меня, наверное, не помните.

– Так Вы напомните. – Ответил я.

– Ну, я в прошлом году делал с Вами интервью. Точнее, интервью у Вас брала наша сотрудница из журнала, а я его уже писал, и в журнале оно вышло уже под моим именем. Вы тогда с концертом в Токио выступали.

– Так Вы из журнала «Музыка мира»? Вы Ник… Сейчас вспомню… Ник Челерман? Верно?

– Точно! Вспомнили. Мы с Вами разговаривали по телефону и вносили правки в текст. А, вообще-то, я Николай и фамилия моя совсем не Челерман.

– Николай? Ну, Ник… Николай – это понятно. А почему Челерман?

– Челерман от слова cello. Это по-английски виолончель. Я в детстве бредил музыкой, просто у меня подкашивались ноги, когда я слышал виолончель. Но с

музыкой у меня не сложилось, а мечта стать виолончелистом осталась. Вот я и решил ну хоть как-то себя соединить с «челей», с виолончелью, то есть.

– А что у Вас с музыкой не сложилось? – заинтересовался я.

– Да как Вам сказать. Музыка мне нравилась, но я занимался плаванием. Я мечтал стать чемпионом, но мне не давались самых трудных несколько сотых долей секунд. И я тренировался, тренировался, потом по вечерам вместо уроков я включал пластинки и кассеты с классической музыкой и слушал. А места, где было слышно виолончель, я прокручивал по многу раз. Но спорт был для меня в то время всем. Прошли годы, я достиг кое-каких результатов, довольно неплохих, но как-то при развороте я травмировал кисть правой руки, и мне наложили гипс. Потом оказалось, что кости на пальцах не так срослись, мне их опять ломали, потом они опять сростались… Короче, со спортом мне пришлось завязать. В то же время я понял, что упустил я и тот шанс стать музыкантом. Хотя, к тому времени я уже созрел, чтобы пойти для начала в музыкальную студию. Но с моей рукой о музыке пришлось забыть, и я пошёл в журналисты. Но так как я знал о музыке практически всё, то я стал музыкальным журналистом. Пишу про музыку и про музыкантов. – Он допил своё шампанское и налил полный бокал.

– Интересная история…

– Вы так сказали только что эту фразу… Ну, как-будто, у Вас тоже была или есть какая-то история, связанная с музыкой и с Вами. Или я ошибаюсь?

– Ну как Вам сказать. Да у каждого человека есть своя история, а может быть и не одна… Просто спорт и музыка нечасто переплетаются в судьбе одного и того же человека…

– Может быть, расскажете?

– Да это долгая история.

– Так нам и лететь ещё несколько часов, да и шампанского у меня не одна бутылка. – Он улыбнулся и похлопал по своему кейсу.

– Ну, я даже не знаю, стоит ли Вам рассказывать. Это просто обычная жизнь обычного четырнадцатилетнего мальчика.

– Ого! – воскликнул он. – Вон аж откуда корни вашей истории тянуться… Но мне, правда, очень интересно послушать. Если Вы захотите, чтобы я написал потом эту историю, я напишу, если скажете НЕТ, то я не буду ничего нигде опубликовывать.

– Нет, писать не надо и опубликовывать тоже не надо. Просто, это, как я уже сказал, обычная история обычного пацана времён конца эпохи Советского Союза.

– Так, я наливаю и слушаю, а Вы рассказывайте. – Он разлил остатки шампанского по бокалам, повернулся ко мне и начал слушать.

2

Мне тогда было лет четырнадцать. Я был обычным пацаном, как и все, гонял во дворе футбол, лазил по деревьям, в соседских частных домах мы воровали крыжовник, яблоки и груши. Хотя нет, я был не совсем обычным. Я был самым отъявленным хулиганом. Это правда. Разбитые в школе окна, хоккейные матчи в школьных коридорах, пожары в подвалах и потопы в подъездах. Меня бы давно выгнали из школы, если бы не одно «НО». Учился-то я неплохо. Учиться я, правда, не хотел, уроки прогуливал, а те, что не прогуливал, те срывал. Учителя и директор школы плакали, когда я появлялся в классе, но сделать ничего не могли, так как, когда приходило время контрольных и экзаменов, то я всё сдавал практически «на отлично». А, кроме этого, я очень хорошо играл в хоккей. У нас во дворе в хоккей играли все, да тогда, в нашей стране все играли в хоккей, это была эра хоккея, хоккейная, можно сказать, была лихорадка. Ну и у нас во дворе постоянно заливали каток, и все наши ребята с района устраивали турниры. Как-то появился мужик, такой видный, в пальто, явно не из местных. Он несколько вечеров приходил и смотрел, как мы играем. Он сильно выделялся из толпы, так как на фоне наших работяг выглядел уж очень рафинировано. Как-то в один из вечеров, после того, как мы закончили играть, он подошёл к нам и предложил заниматься у него в секции. Как оказалось, он был директором спортивной школы по хоккею. Ну, кто бы отказался от такого? Вот, и на следующий день мы

уже получали форму в районном дворце спорта. Это была мечта каждого пацана из нашей дворовой команды. И мечта начала сбываться. Мы не верили, что мы вот так вот просто станем известными хоккеистами. Нам завидовал весь город, в школе нас уважали и даже старшеклассники здоровались с нами за руку. И это настолько нас расслабило, что учиться мы перестали вообще. Оценки стали хуже, а поведение вообще никуда не годилось. Тренер нас пугал, что повыгоняет нас, но мы понимали, что мы лучшие и поэтому не боялись ничего. После тренировок мы часто устраивали драки и разборки, так как нас боялись все, а мы не могли этим не воспользоваться. Короче, «оторвы» мы были. И вот так я рос, среди крутых спортсменов, отборных хулиганов в обычном СССР-овском дворе и среднестатистической школе.

Однажды, в начале третьей четверти, сразу после новогодних праздников, к нам в класс перевелась одна девочка. Родители её были военные и, как тогда было принято, все военные мигрировали по стране. Их жёны меняли работы и квартиры, а дети меняли школы. Им приходилось вливаться в новые коллективы, знакомиться с новыми одноклассниками, соседями, заводить новых друзей. Ну всё, как обычно бывает у людей, часто меняющих место жительства. Звали эту девочку Инга. Они были родом из Прибалтики. Общительной она не была, училась хорошо, друзей у неё тоже было немного, даже практически и не было друзей. Да и внешне она была далеко не красавицей. Но что-то в ней было такое, что я не мог понять сразу. Девочки у нас делились на две категории: те, с которыми мы дружили и те, которых, как сейчас модно говорить, мы «троллили». С Ингой же дружить особо не хотелось, но и доставать её и издеваться над ней у нас причин особо не было. Поэтому, она сразу попала в категорию «серых мышей». Короче, в нашем циничном классе её просто серьёзно никто не воспринимал. Так мы и доучивались этот учебный год, тренировки, школа, дискотеки, тусовки во дворе, мелкие драки. Несмотря на наш ещё далеко не зрелый возраст, мы себе позволяли, конечно, много. Единственно на что у нас было табу – так это на сигареты, алкоголь и на воровство. Мы никогда не брали чужого, не воровали вещи, не крали денег. Мы могли обтрусить чужую яблоню и отобрать у соседского пацана велосипед, чисто покататься, но мы никогда не отбирали вещи насовсем. Участковый нас любил, любил даже настолько, что мы все стояли на учёте в детской комнате милиции.

Однажды, у одной нашей одноклассницы Ритки был День рождения. В классе у нас принято было так, что все праздники, пикники, тусовки, дискотеки мы проводили всегда вместе. Никто никогда не отсутствовал без уважительной причины. И вот мы собрались у Риты, были все. Почти все. Не было только Инги. Мы немного подождали, потом выкинули жребий, кто пойдёт к ней домой и

приведёт её. Такой был у нас класс. Жребий пал на меня. Жила она недалеко, на третьем этаже трёхэтажного дома. Окна её комнаты выходили на аллею, на которой росли старые липы. Я не решился сразу идти к ней и звонить в двери, а решил проверить обстановку снаружи. Я без труда взобрался на липу на уровень её окон и увидел Ингу. Она сидела в своей комнате, при свете, шторы не были задёрнутыми. И она сидела за фортепиано. Мы учились уже несколько месяцев, а так и не знали о ней практически ничего, не знали, кто её родители, чем она любит заниматься, не знали, что она занимается музыкой. Музыкой в нашем классе занималась только Ритка. На гитарах, правда, играли практически все ребята, но профессиональных музыкантов среди нас не было, кроме Риты. Она ходила в музыкальную школу, чем сильно гордилась. Но так, как играла Инга, было несравнимо с игрой Ритки. Я сидел на дереве и не хотел слезать. Я просто слушал. В классической музыке я не понимал совершенно ничего, но то, что я услышал, в дальнейшем перевернуло мою жизнь. Позже я узнал, что это были «Времена года» Вивальди.

Вернулся я на праздник с довольно большим опозданием, сказал, что дверь мне открыла её мама и сказала, что Инга приболела. Потом я сказал, что по дороге назад мне пришлось смываться от участкового, так как он нам настрого запретил ходить вечерами по улицам. Наверное, большинство наших мне поверили. Не поверила только Рита. Это я понял по её взгляду. Ритка уже тогда питала ко мне определённые чувства, мы жили в одном подъезде и вместе ходили в школу и со школы. Она приходила к нам на тренировки, а мы всем классом приходили на её концерты. Одним словом, все были уверены, что мы с Риткой встречаемся. Да, наверное, и она тоже так думала.

Чтобы разрядить обстановку я попросил Риту сыграть чего-нибудь на пианино. Она с радостью согласилась и сыграла сначала «Болеро» Равэля, а потом она играла «Синий иней…». В общем, вечер удался. Но в ту ночь я не мог уснуть. Так никто и не понял тогда, что я просто обманул их, пожалев Ингу. А я практически регулярно начал залазить на дерево, чтобы посмотреть и послушать, как играет Инга. Я сам и не заметил, как это занятие стало для меня практически навязчивой идеей. Я ходил сюда как на работу. Но я боялся, чтобы меня никто не заметил. В основном время совпадало со временем окончания тренировок. Сразу после катка – на дерево и слушать Баха, Листа, Вивальди, Моцарта… Я сам себе удивлялся, но ответа на вопрос «Почему я это делаю?» у меня не было. Я не знал тогда, что меня больше притягивало – эта светловолосая девочка или её музыка.

На выходных мы собрались в поход на реку. Мы часто выезжали с классом на пикники. Брали палатки, гитару, котелки, бадминтон, короче всё, что было нужно для активного и разнообразного отдыха. Поехала тогда с нами и Инга. Кто-то играл в карты, кто-то в шахматы. Кто-то уединился в лесу на поваленном дереве, остальные же сидели у костра и пели под гитару песни. Традиционно мы пели бардовские песни, Высоцкого, Галича или Митяева. Петь и подпевать старались все. Я искоса следил за Ингой, но она просто слушала и не подпевала. Она не могла не знать этих песен, так как сама занималась музыкой. Но почему она не пела, мне было не понятно. И вот, после очередной песни она сказала:

– Зачем так сильно быть по струнам? И вообще, зачем так орать? Ведь в оригинале эти песни не орут, а поют, а вы не слышите друг друга, а только кричите.

– А ты, типа, знаешь как надо? Может быть, ты ещё сможешь нам показать, как это делается? – Не раздумывая ответила Ритка. Все молчали. – Нет, ты скажи, раз критикуешь, то, наверное, знаешь, как надо петь и играть.

– Ну, я не очень умею играть на гитаре, это не мой инструмент, но я могу попробовать. Что вам сыграть. – Спокойно сказала Инга.

– Да, хотя бы Макара сыграй. – Поддержал Ингу Денис.

– Макара, в смысле Макаревича, что ли? – Спросила Инга.

– Ну да, его. Например «За тех, кто в море».

– Хорошо, я попробую, – Инга взяла гитару, пощипала струны, подстроила их и заиграла. Легко и непринуждённо. Как будто играла сама «Машина времени». А потом она запела:

«Ты помнишь, как всё начиналось,

Всё было впервые и вновь.

Как строили лодки, и лодки звались

Вера, Надежда, Любовь…»

Она пела, а все слушали, открыв рты. Все были в шоке. Когда она закончила играть, вокруг висела тишина, только был слышен треск костра. Я знал её тайну, знал про её занятия музыкой, но даже я был удивлён и покорён. Каждый в ту минуту думал о своём. Думал и молчал. Я словил взгляд Ритки. Она смотрела на меня. В темноте я не мог разобрать выражения её лица, её глаз, но она точно хотела тогда что-то сказать. Тогда мне показалось, что она всё поняла и мне придётся что-то придумывать и оправдываться. Но мне в тот момент было всё равно. Надо было как-то выходить из положения, как-то разрядить обстановку. И я сказал:

– Прикольно, мне понравилось. А что ты ещё умеешь? Говорят, у вас в Прибалтике больше фирмовой музыки слушают, чем у нас. Чем ты нас сможешь удивить? – Попытался я сказать как можно более непринуждённо. Тогда я ещё не совсем осознавал, что после моих вечеров, проведённых на дереве под звуки Моцарта, наступил сегодня новый этап в моей жизни.

– Ну, мне очень нравится «Битлз». Не слышали такую группу? – Инга обвела всех взглядом.

– Почему не слышали? – сказала Ритка, бросая в костёр сухие ветки. – Мне папа из Болгарии привёз двойную пластинку «Вечер трудного дня». Хорошая музыка, только там всё по-английски, а с нашей англичанкой вообще трудно что-то понять, кроме Londoniscapital…

Как и было положено, все засмеялись, оценив Риткину шутку. Но кто-то всё же выкрикнул из темноты:

– Так возьми и слабай чего-нибудь из этих «Битлз» или как их там, а мы послушаем. А потом ты нам переведёшь.

– Да там особо и нечего переводить. У них все песни о любви, о том, что идти по жизни нужно рука в руке, что даже вечером после трудного дня не надо забывать, что есть кто-то, кто ждёт тебя и думает о тебе, о том, что любовь не купишь за деньги, о том, что кто-то думает о ком-то восемь дней в неделю, о том, что и Норвежский лес тоже может хранить в себе тайны, о том, что где-то кто-то ждёт кого-то, о том, что ещё вчера все проблемы были другими… Тексты у них простые, но очень душевные.

И она заиграла. Она играла неизвестную нам всем, кроме Ритки, но заезженную на всех модных и провинциальных западных радиостанциях Yesterday. И опять была тишина, когда она закончила играть. В этот раз молчала даже Рита. Это была какая-то магия. Ночь, река, костёр, гитара и «Битлз»… Потом она играла ещё и ещё, и никто не осмеливался перебить её или остановить. Почти утром, когда часть народа просто тупо уснула возле тлеющего костра, она сказала:

– Ну, всё, ребята, давайте, может, спать? А то скоро утро, да и как-то прохладно уже. – Она отставила гитару, встала, вжала голову в плечи от холода и так непринуждённо сказала «Спокойной ночи», что сразу захотелось, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась, а продолжалась вечно. Я лежал в палатке и не мог уснуть, по разговорам в соседних палатках, я понял, что все сегодня обсуждают Ингу. Да и правильно. О чём ещё можно было говорить и думать в такую волшебную ночь. Наверное, в ту самую ночь у реки, у костра, в палатке, под звёздами я начал меняться. Я тогда начал осознавать, что мир гораздо шире, что он выходит за рамки нашего двора, нашей школы, нашего района, нашего ледового дворца спорта. Мир вообще не такой, каким мы его воспринимали до этого. Оказывается, что суть совсем не в новом мопеде, не в крутой девчонке, с которой ты танцуешь на дискотеке, не в медалях и не в кубках. Оказалось, что то, что было у нас под носом, мы не замечали. После той ночи знакомства с «Битлз», их песни теперь всегда сопровождают меня, где бы я ни был. Обязательно в моём плейере есть папка с «Битлз», и в машине есть диск, потому что есть моменты, без которых человек просто не может существовать.

Приехав домой, я пошёл в библиотеку и начал искать в молодёжных журналах информацию про «Битлз». Всё, что мне удалось найти – это жиденькие статьи в «Комсомолке» и несколько интервью с участниками группы в популярном тогда журнале «Ровесник». Оттуда же я узнал, что оказывается, уже несколько лет, как был убит Джон Леннон, лидер и создатель этой группы. Из библиотеки я направился на рынок. Благодаря связям, мне удалось раздобыть пару пластинок «Битлз», тут же мне посоветовали и «Ролинг Стоунз». Я потратил практически все деньги, которые копил на фирменную клюшку и на фирменный хоккейный шлём. Вот так я и стал меломаном. Я крутил пластинки по ночам, вместо дворовых тусовок, я теперь мог часами сидеть перед проигрывателем и записывать русскими буквами тексты песен:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/grey_aleks/polet-dlinoyu-v-zhizn

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить